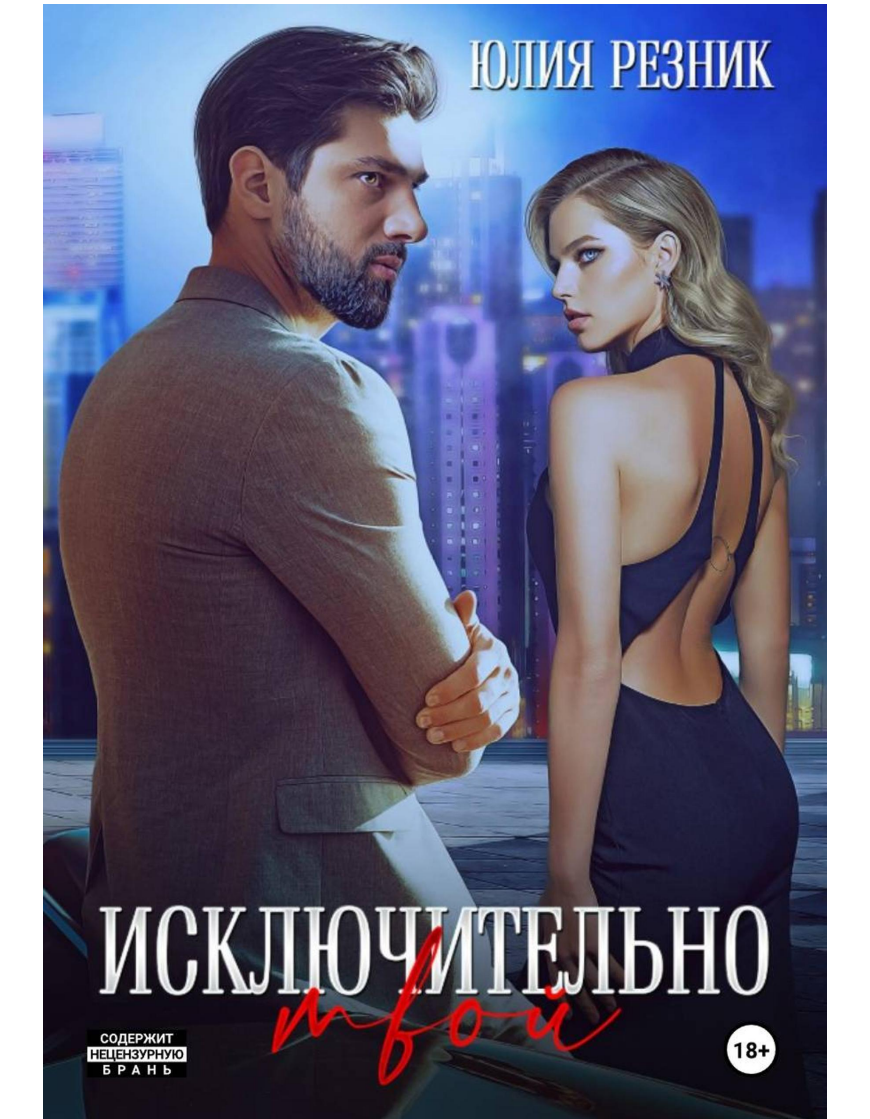

ЮЛИЯ РЕЗНИК

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
твоя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Резник

Исключительно твой

<https://litres.ru/73783166>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марат всегда знал, что рано или поздно ему придётся жениться на правильной девочке из своих. Договорные браки типичная история в восточных семьях. Он не догадывался лишь о том, что во имя долга ему придется отказаться от той, кого он полюбит.

Содержание

Глава 1	4
Марат	4
Глава 2	15
Афина	15
Глава 3	26
Марат	26
Глава 4	38
Афина	38
Глава 5	49
Марат	49
Глава 6	60
Афина	60
Глава 7	70
Марат	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юлия Резник

Исключительно твой

Глава 1

Марат

– Мар, ну! – тычет в бок Назар. Два других моих друга – Антон Дубина и Арсений Брагин, топчутся тут же.

– Не могу. Потерпите еще час-полтора.

Отец дает прием в честь моего тридцатилетия. Я обижу родителей, если просто так сдернусь. Мужики синхронно стонут. Здесь им скучно. Не спасает даже знаменитое кавказское гостеприимство, потому что так же сильно оно обязывает. Вести себя сдержанно и достойно. А мужики хотят дурить. И толку, что взрослые дядьки?

– Чего хоть ждем? Я уже обожрался. Обпился... – жалуется Антон.

– Теперь главное – не обоссись, – ржет Назар.

Смотрю на эту троицу с иронией. Хочется тоже бросить что-нибудь эдакое. Скабрёзное. Чтоб от них не отставать. Но я в доме родителей. Это сдерживает. Я хорошо воспитанный

мальчик. Гордость отца.

– Марик...

– Мама...

– Зара Джамильевна, – заискивающе улыбаются мужики.

Мама у меня – красавица. Однажды мы чуть не сцепились с Назаром. Он ляпнул в ее адрес что-то недопустимое, не со зла, конечно, но я закусил удила. Все же разница культур иногда дает о себе знать, хотя в большинстве своем мы уже разобрались, что можно, а что – харам. Мужики у меня понятливые. Деликатные даже, пусть порой в это сложно поверить. Кланяются, загребуших лапищ к маме не тянут. Трогать чужую женщину – харам.

– Мальчики, – улыбается мама. Некоторым мальчикам хорошо за тридцать. Но против такого обращения они не возражают. Только в ответ тянут губы. – С тобой отец хочет поговорить.

Оглядываюсь на мужиков. Те вздыхают, понимая, что продолжение праздника теперь откладывается на неопределенный срок. Мама, замечая это, улыбается шире. Мама все про меня понимает. Мама мудрая...

– Иди, потом сразу можешь уехать. – Её улыбка гаснет. Та-а-ак. С чего бы вдруг?

– Я должен к чему-то подготовиться?

– Отец сам все тебе расскажет.

Пропускаю маму в приоткрытые двери.

– Мам?

– Это мужской разговор.

Склоняю голову. Мама целует в лоб. Мужской – так мужской.

– Отец...

– Заходи, Марат. Как ты?

– Все хорошо. – Усаживаюсь напротив в кресло. – Спасибо за вашу речь в начале вечера. Я тронут.

Это правда. Отец был хоть и сдержан, но дал понять, что в самом деле мною гордится. Это важно. Я давно перерос те проекты, которые он мне до этого поручал, и надеюсь, что теперь, когда я проявил себя лучшим образом, мне, наконец, доверят семейный бизнес. Или хотя бы одно из его направлений.

– Заслужил. – Отец настроен добродушно, я чуть расслабляюсь. – Ты хорошо справляешься с делами.

– Спасибо. У меня перед глазами достойный пример. Как там у нас говорят? Лучше сиди там, где нет Аллаха, чем там, где нет старшего?

– Не всякому чужой пример помогает. Я же могу не переживать за дело своей жизни. Это дорогого стоит.

– Я не подведу.

– И тут у меня нет сомнений. Теперь меня в гораздо большей степени волнует другое.

– И что же?

Отец помешивает в хрустальной армуде чай. Аромат наполняет комнату. Моя бабушка говорила, что в доме всегда

должно пахнуть уютом, чтобы гость не захотел из него уходить. Я уношусь в детство, в воспоминания. Отец тоже как будто никуда не спешит. Вместо прямого ответа на мой вопрос он заходит издали.

– Зара говорит, что это все слишком на тебя давило.

– Я не жалуюсь.

– И не жаловался никогда, да. Но твоя мать уверена, что из-за слишком большой ответственности, которую на тебя наложало наследие, ты упустил нечто важное.

– И что же? – я пытаюсь не хмуриться, но мышцы так и сводит.

– Тебе тридцать. А ты не женат.

Ну, мам! Блин... Что за подстава?

– Это дело нехитрое.

– И все же. Плохо то наследство, которое некому передать.

Это ж мы теперь и о детях, так? Вот и как я настолько влип?! Все же хорошо было.

– Отец, вы сейчас к чему-то конкретному клоните?

– Тебе надо жениться.

Кому надо? Да какого хрена вообще?!

– Не на ком, – выкручиваюсь.

– Да что ж, мы тебе не найдем невесту? У Алима две дочери. У Фариза. А у нас с ним, кстати, один проект.

– Отец...

– Хорошие чистые девочки.

Да ну что такое-то?! Почему мне кажется, я в ловушке?

– И? Я же ни одну из них даже не знаю.

– Познакомитесь. Я твою мать вообще впервые на свадьбе увидел. И ничего, как видишь, счастлив.

Хочется спросить, не должен ли я быть благодарен за то, что я все-таки увижу невесту до свадьбы, но хамить отцу – последнее дело. Я так не унижу. Ни его, ни себя.

– Вы уже все решили, да?

– Решать это лишь тебе.

Слова-слова...

– Я подумаю.

– Фариз с семьей в скором времени будет здесь. Мы могли бы устроить встречу.

Кто бы сомневался?

– И тогда, полагаю, никто не стал бы возражать, если бы ты возглавил проект в Беляево.

– Вы серьезно?

– Ты же знаешь, что Фариз готов туда вложиться. Он будет только рад доверить руководство своему зятю.

В ушах звенит. Не могу избавиться от ощущения, что с этим звуком захлопывается ловушка, в которую я попал.

– Кстати, ты уже видел, что там происходит?

– Где? – туплю, смаргиваю упавшую на глаза пелену. Мне пипец как беспокойно. Эмоции душат. Но я мужчина. Эмоции – роскошь, которую я не могу себе позволить.

– В Беляево. Там под снос попадает то ли древний лагерь какой-то, то ли обожаемая местными база отдыха. Люди про-

тестуют. А нам это не надо.

– Я разберусь, – пожимаю плечами. Раз проект мой, то мне все и улаживать.

– Разберись, – кивает в ответ отец. – И желательно побыстрее. Лишний шум нам не нужен. Ну, что мы все о делах? Пойдем веселиться? Гости, небось, заждались дорогого именинника. Жаль, Фариз не успел к празднику.

Да твою же! Теперь ведь не слезет с этой темы. Не стоило и рассчитывать.

Выходим из кабинета. Мужики мои ошиваются тут же. Дверь не была закрыта. Вполне возможно, они слышали наш с отцом разговор. Вон, как настороженно на меня пялятся. Отец проходит мимо, хлопнув каждого по плечу. Он поначалу к нашей дружбе отнесся довольно настороженно, но потом оттаял. Эти трое хоть и славятся своим умением гульнуть, в общем-то, даже это делают по уму.

– И че теперь? – спрашивает Антон, глядя в спину отцу.

– Да че теперь, – усмехаюсь горько.

– Марат, – моей руки касаются тонкие пальчики. Оборачиваюсь. Мама... Даже если это все и благодаря ей, не могу обижаться. И своего недовольства показать не могу.

– Мама... – склоняюсь.

– Я не так это все себе представляла, – вздыхает она.

– Ну, теперь уж как есть, – пожимаю плечами.

– Я даже не думала, что отец так вцепится в эту идею. Просто поделилась с ним своими опасениями на твой счет.

Мужики тактично отходят чуть дальше, тем не менее, грея уши.

– Не знал, что у тебя есть какие-то опасения.

– Ты слишком заиклен на работе. В жизни есть и другие радости. Мне так жаль, что они тебя миновали...

В понимании мамы радость – это семья. Ну... Если она такая, как у них с отцом – это действительно радость, кто ж спорит? Затык в том, что я еще не встретил той женщины, с которой у меня может быть так, как у них. И что-то мне подсказывает, с Фаридой так тоже не будет. Погуглить ее, что ли? То, что у нас до сих пор свадьбы устраивают родители, не отменяет того факта, что мы живем в двадцать первом веке.

– Я счастлив. У меня все хорошо.

– Ты не обижаешься?

– Мам... – закатываю глаза.

– Я хотела как лучше.

– Я знаю. – Мама нежно ведет ладошкой по моей гладковыбритой щеке. Зажмуриваюсь. Наклоняюсь опять. Опять целует в лоб. Я не обижаюсь. Нет. Родители – это святое.

– Ладно, идите уже. Вижу ведь, как не терпится.

– Отец не расстроится?

Мама качает головой. Богатые золотые серьги колышутся. Так, вблизи, конечно, на лице мамы видны тонкие морщинки. У глаз, в уголках губ. Но издали ее запросто можно принять за мою ровесницу. Говорят, мальчики ищут в жене маму, если так, где мне найти такую красавицу? Отцу несказан-

но повезло. Уходит, обдавая меня знакомым с детства парфюмом.

– Царица, – глядит ей вслед Тоха.

– Слюни, – напоминаю я.

– Да я ж ничего такого!

– Именно поэтому я тебе еще не втащил. Пойдемте уже, пока я окончательно не загнался.

– Дык, пойдем. Мы уже пару часов тебя умыкнуть пытаемся.

– Считайте, вышло.

Идем хищной стаей к выходу. Изредка останавливаемся с кем-нибудь перекинуться парой слов.

– Мар!

Торможу.

– Лала! Ты что здесь делаешь? Мама знает?

– Т-ш-ш. Я просто одним глазочком хотела посмотреть на гостей! Все такие красивые!

Обнимаю сестру. Ей всего двенадцать. После моего рождения мама беременела еще несколько раз, да так и не могла выносить. Лала стала настоящим подарком современной медицины.

– Ты тоже красивая!

– Ага, – закатывает глаза.

– К себе беги, пока тебя родители не спалили.

– Ладно. С днем рождения, братик! Антон, Назар, Арсений... кланяется каждому, проходя мимо моих друзей. Ан-

тон делает ей «сливку», но заметив мой взгляд, одергивает руку. Машу, мол, норм. Она ж ребенок, не девушка. И уже беспрепятственно выходим на улицу. Жарко. Смрадно. Раскаленный асфальт, выхлопные газы – все прелести мегаполиса.

– Ну что, в клуб?

– Только недолго. Ты же слышал, мне завтра тащиться в Беляево.

– Не. Не слышал. А что там?

– Какой-то пикет против сноса очередной заброшки.

– Забей. Постоят – разойдутся. У вас все уже на мази, как я понимаю?

– Все разрешения имеются.

– Ну, так вот. Забей – говорю ж. Давай лучше как следует оторвемся. У тебя это, может, последний шанс.

– Не напоминай, – закрываю глаза.

Мужики нервно ржут. Заталкиваемся в машину. Открывается бар. Я пью редко и обычно немного, но тут сам бог велел. Хочется расслабиться. Не так, чтобы потерять контроль, но чтобы не думать о предстоящем. Мужики болтают, не затыкаясь, видимся редко, бизнес отнимает кучу времени. Болтовня отвлекает. В клубе какие-то девочки, все хорошо. Можно даже уехать с одной из них. Вон та, темненькая, ничего... Но все-таки не настолько хороша, чтобы я предпочел ее, а не сон. Вымотался я в последние месяцы просто невозможно. Сжег себя, стараясь угодить отцу. Еще и соб-

ственный проект начал, из которого непонятно что выгорит. Говорить о нем, нет? Попытаюсь самому выстроить? Как-то тесно мне было, свои амбиции душили, вот и начал. А тут вроде как, наконец, отец решил полностью мне довериться. Теперь хоть разорвись.

Нет. Спа-а-ать. Извини, девочка. Прощаемся. Еду домой. Снимаю костюм, аккуратно развешиваю, пусть ему прямая дорога в химчистку, и можно было не утруждаться, привычка к порядку дает о себе знать. Проваливаюсь в сон, едва голова касается подушки. Кажется, только уснул, как телефон будит.

– Чего? – не глядя на номер.

– Марат Маратыч, у нас ЧП.

Встаю резко, так что в голове кружится.

– Что за ЧП?

Оказывается, идиоты в Беляево решили нагнать техники, несмотря на протест. Люди решили, что заброшку тут же сносить начнут. Завязалась потасовка с местными активистами. Несколько пострадавших в больнице.

– ... а там какие-то девахи понаехали и...

– Так, стоп. Какие девахи?

– Блогерши недоделанные. Экоактивистки долбанные. В общем, такой подняли шум, что мы во всех новостях.

– Слишком много нелестных прилагательных, – одергиваю я и тут же добавляю: – Каким боком экоактивистки к стройке? Там же никаких заповедников нет. – Встаю, шле-

паю в кухню. Без чашки кофе мне это не переварить. – Может, от конкурентов подгон, Миш? Что СБ?

– Да роют, что... Вроде как стихийно все получилось. Но лучше перебдеть.

– Это точно. А пострадавшие? Там насколько серьезно?

– Не-не, тут не переживайте, до жести не дошло.

– Все равно. Помощь, деньги на лечение... Это организуй.

– Так не мы же их под бульдозер толкали, Марат Маратыч.

– Не мы. Но мы виноваты в том, что до такого вообще дошло. Приеду – будем разбираться, как так вышло. Да и вообще. Не пообедем. Закрыли разговор.

– Да мы тут сами можем...

– Вижу я, как можете, – хмыкаю.

– Марат Маратыч...

– Я туда все равно собирался сегодня.

– Вас лучше не светить. СБ опасается, как бы чего не вышло.

– Я по-тихому приеду. Рожа моя в прессе не особо мелькала. Никто ничего не поймет.

– Но Марату Арзасовичу...

– Отец поручил этот проект мне, – цежу. – Сейчас подъеду, посмотрю, что там за блогерши, с которыми мои люди не могут справиться.

Глава 2

Афина

– Ой, девочки! Ой, красавицы. Даже не знаю, как тебя за них благодарить, Афиноушка!

Я лежу на древнем гамаке, щурясь от яркого солнца, что проникает даже сквозь густую крону раскинувшейся над головой ивы. Травинка в зубах – не очень хорошая замена сигарете, но я решила покончить со всеми вредными привычками. Да и дети вокруг...

– Перестань, Сергеевна. Ты тоже, вон, глянь, сколько народу нагнала.

Приподнимаюсь. Мышцы на животе напрягаются. Окидываю себя придирчивым взглядом. М-да. Довела я себя, конечно... Надо есть. Надо спать! Надо себя любить, – повторяю заученную наизусть мантру.

– Да что мои? Они даже при желании не смогли бы поднять такой шум! А девочки... Ну, какие же славные! Неравнодушные. Побольше бы нам таких.

– Ой! – психую, откидываю очередной томик по психологии. – Вот только перестань. Ими в меньшей степени движет благородство.

– Но как же...

Курить хочется просто зверски. Пальцы забираются в карман шорт, но там закономерно пусто.

– Социальная повестка нынче в тренде, – вздыхаю.

– Не понимаю, – разводит толстыми руками Сергеевна. От жары ее макияж поплыл. На веках – неряшливые черные засечки, помада въелась в уголки губ. Сколько лет прошло с тех пор, когда я из интерната выпустилась, а она все в одной поре. Время ее щадит.

– Каждая из них душу продаст за хороший контракт. А рекруты сейчас обращают внимание не только на внешность. У каждого бренда свои ценности. Модели должны им соответствовать. Участие в акциях вроде этой добавляет им веса. Понимаешь? У них же все соцсети пестрят стримами, фоточками, рилсами с бедными сиротками. Пока модно защищать их права – они будут. Если станет модно их убивать...

– Все-все-все! – в ужасе Сергеевна округляет глаза. – Не договаривай! Кошмар какой-то.

– Скорей лицемерие. Но пока оно нам на руку. Что в администрации говорят?

– А что они скажут? Пока прижали хвосты из-за шума. Но! Здание признано аварийным. А земля вообще нам больше не принадлежит.

– Дурдом. Как так вышло?

– Срок аренды закончился, – пожимает плечами Сергеевна. – И продлевать его, конечно, не стали.

– Ничего! Мы еще повоюем, – усмехаюсь я. На жаре раз-
морило. Хочется искупаться. Но не хочется в толпу. Наро-
ду тут и правда собралось – дай боже. Понаехали выпускни-
ки интерната – кто сам, кто уже с семьями, разбили лагерь.
Чтоб добраться к пляжу, нужно пройти мимо разделивше-
гося на кучки народа. Самая многочисленная – та, где при-
бывшие по моей просьбе девчонки собрались. Красота маг-
нитом притягивает. Вот к ним и притянулось большинство
здесьних мужиков. Им такое общество даже не снилось, а тут
сидят, облизываются. Как бы чего не вышло.

Иду медленно, чтобы не споткнуться о выступающие над
землей корни деревьев. Самая шумная и смелая рассказыва-
ет:

– А я на бульдозер – прыг... Ору водиле, мол, поворачи-
вай свою колымагу. А он мне в ответ кричит – «Истеричка!». И
убегает к своим, так что только его и видели... Мы еще
видос успели заснять... Сейчас покажу.

И тут, будто к слову, из брошенной на пледе колонки до-
носится:

«Знаешь все отлично, твоя истеричка...»¹

Девки вскакивают на ноги, забыв о записи, и, во все горло
подпевая, орут:

«Больше не плачет, не плачет – в нее влюблен новый маль-
чик...»

Начинается стихийный отрыв. Красотки смеются, дура-

¹ Artik, Asti – Истеричка

чась, затаскивают на импровизированный танцпол всех. Мимо меня не проходят тоже. Танец – неплохой способ выплеснуть все негативное, но перед чужими я не готова так обнажаться. Подхватываю на руки маленькую девчушку, чтоб ее не затоптали, и пускаюсь в пляс вместе с ней.

«Я так до сих пор и не поняла,
Кто та девочка, кем я с тобой была...»

Вращаю бедрами в такт. Как будто в юность возвращаюсь. То была не слишком-то веселая пора, и все мои хорошие воспоминания связаны с этим лагерем, где интернатские, если повезет, могли провести летом аж целый месяц.

«Любила – да, ненавидела – да,

Моя любовь – правда, твоя – вода», – орут на все лады, перекрикивая музыку. И тут в меня проникает смысл слов. Хорошего настроения как не бывало. Прижимаю к себе малышку плотней, будто в попытке заткнуть ее тельцем образовавшуюся дыру в груди. Целую взмокшие от жары волосики.

– А панамка-то твоя где, Танюша?

– Не знаю, – вздыхает та.

– Пойдем, поищем.

Наклоняюсь, ставя малышку на ножки. И чувствую чей-то взгляд. В том, что на меня пялятся, ничего нового нет. Но тут какие-то странные ощущения. Медленно оборачиваюсь.

Мужчина. Не наш. Судя по внешности, откуда-то с Кавказа. Взгляд такой, что меня, привыкшую, в общем-то, к вни-

манию, будто бьет под дых. На теле мурашки. И это в плюс сорок почти... Что за черт? Откуда он взялся? Я в лагере уже пятый день, и совершенно точно его не видела. Потому как если бы видела, ни за что не забыла бы.

Он делает шаг ко мне. Я, напротив, шагаю к деревьям. Отсюда до лагеря, где можно спрятаться, хорошо, если двести метров. На эмоциях, которые, фиг его знает, какого черта меня шарашат, забываю об осторожности. Нога попадает в плен высунувшегося из-под земли ивового корня, и я падаю вперед носом.

– Черт! Ты как? Не ушиблась? – спрашиваю у своей маленькой спутницы.

– Нет. А ты?

Морщусь.

– Есть немного. – Опираюсь на ладонь в попытке встать. Щиколотку простреливает боль. Я ахаю.

– Подождите. Не нужно торопиться.

Голос такой, что мама дорогая. Акцента нет. Зато есть в нем что-то успокаивающее, даже медитативное. Тонкие волосы на предплечьях встают дыбом. Боль забыта. Вру себе, что это от чужой близости, бесцеремонно нарушающей мои личные границы. И аромата. Очень концентрированного, мужского. Знойного и давящего... Напрягаюсь, предчувствуя его дальнейшие действия. Медленно поднимаю ресницы.

– Вы не против, если я вас коснусь? Нужно убедиться, что

кость цела.

Моргаю. Чувствую себя так, будто мне снова четырнадцать. Двух слов связать не могу. Ну, молодец, Афин, че! Только этого тебе сейчас и не хватало! Киваю.

– Вроде бы все нормально, – говорю, откашлявшись.

– И все же я проверю.

– Вы врач?

– Нет. – Поднимает густые черные ресницы. Глаза – теплый янтарь. – Я в спорте... был. Всякими единоборствами занимался. Там такие травмы – частая история.

Рассказывает, а сам осторожно меня ощупывает. Руки у него крупные. Кулаки наверняка как кувалды. Тело охватывает озноб.

– Все нормально?

Сухо киваю. Хочется поскорее с этим покончить. Пусть конкретно этот мужчина не сделал мне ничего плохого. И вовсе не он причина моих негативных эмоций. Отгоняя их, пытаюсь сконцентрироваться на словах. Он сказал, что занимался единоборствами? Ничего удивительного, мне кажется, все мальчишки на его родине занимаются какой-то борьбой. Это объясняет его хорошую форму.

Дергаюсь от резкой боли.

– Ой!

– Вот тут, да?

Ловко расстегивает ремешок на моей сандалиии, скидывая ту совсем. Большой палец ласково проходится по подъему.

Это уже мало похоже на обследование. Я хватаю ртом воздух. Настолько это прикосновение отличается от других. Которые мое тело еще слишком хорошо помнит. Наши взгляды сплетаются... Мой – чуть испуганный, его – медленно тлеющий. Сквозь шум в ушах слышу всхлип.

– Танюш, что такое? – тяну к себе девочку. – Ты все-таки ударилась, да?

– Нет, – шмыгает носом.

– А чего тогда ревешь?

– Твою ножку жалко.

– Мое ты солнышко. Иди сюда. Все хорошо с моей ножкой. – Обнимаю глупышку. Теперь наши взгляды с... я до сих пор понятия не имею, как его зовут, встречаются поверх ее светлой головки. – А вот тебе точно в голову напечет, если мы не найдем панамку.

– Меня Марат зовут. А это...

– Танюшка.

– Твоя?

– Подопечная. А вообще они интернатские. Он вон там находится, на противоположной стороне. – Тычу пальцем, а сама на этого Марата кошусь. Истории места он явно не знает. Значит, он не из пикетчиков. Интересно, что тогда его сюда привело?

– Кость цела. Возможно, легкое растяжение. Наложу тебе повязку.

А вот это лишнее. Совсем.

– Спасибо, мы сами справимся. В интернате есть медик.

– И что? Он работает без выходных?

Ч-черт. Закусываю губу. Март внимательно наблюдает за тем, что я делаю, янтарь его глаз темнеет... И я тону в нем. Да блин! Надо же.

– Давай так. У меня поблизости машина. Там есть эластичный бинт.

– Танюшке панамку бы, – вздыхаю. – Да и не дойду я до машины, где бы она ни была.

– Я донесу, если позволишь. А насчет панамки...

Марат снимает бейсболку с головы, регулирует застёжку и водружает ее на голову с обожанием глядящей на него девочке. Танюшка смущенно улыбается. Слышатся приближающиеся голоса. Это девчонки возвращаются с пляжа. Увидев меня, сидящую на земле, начинают ахать и причитать. Спрашивать, что случилось. И мимо Марата, конечно, не проходят вниманием.

– Да все нормально, – отмахиваюсь я. Опираясь на руку, пытаюсь встать. В этот раз чувствую себя увереннее. Может, и получилось бы как-то доковылять до базы. Но проверить это мне не приходится. Потому что Марат подхватывает меня на руки.

– Ч-что ты делаешь? – вскрикиваю я, рефлекторно вцепляясь в его крепкую шею. Окружившие нас девки синхронно стонут, обмахиваются руками, поднимают большие пальцы вверх, с намеком поигрывая бровями. Дурочки.

– Несу тебя. Танюш, давай-ка, ты вперед беги. Только под ножки смотри, ладно?

Танюшка быстро-быстро кивает. Кепка подпрыгивает в такт. Идем чуть в гору, переступая через корни, как через искусственные препятствия. А он в хорошей форме. Даже дыхание почти не сбилось. Только немного вспотел, отчего его аромат стал как будто еще острее и на удивление приятнее.

– Вот же! Надо брелок достать. Сможешь встать на одну ногу?

– Конечно.

Марат медленно ставит меня на землю. Я стекаю вниз по его телу. Между нами искрит... Голова кругом. Для устойчивости сжимаю пальцы на предплечье Марата. Тачка у него приличная, но без изысков. Хороший Джип. На подножку мне не взобраться, поэтому Марат снова меня, как ребенка, подхватывает и усаживает на сиденье.

– Ты не представилась.

– Афина.

– Афина, – перекатывает на языке, зажмурившись. – Очень красивое имя. Кто придумал? – достает аптечку.

– Какая-то тетка в роддоме, куда меня подкинули, – защищаясь, по привычке включаю стерву. Марат хмурится. Осторожно ведет пальцами по моей щеке. Я как под гипнозом. Понимаю, что надо его одернуть, но язык не поворачивается.

– Мне жаль, – шепчет он, осторожно касается моего лба

губами. Если глаза не врут, ему как будто правда не все равно. И это один черт так манит. Даже несмотря на то, что я уже давно проработала свое прошлое и вроде даже смирилась с ним.

– На самом деле мне еще повезло. В детских кошмарах мне снилось, что меня называли Дрезиной.

Марат откидывает голову и смеется. Смотрю на него и ловлю себя на том, что тоже улыбаюсь. Впервые... за сколько, кстати? Почти за год?

– Значит, ты тоже росла в интернате?

– Угу.

– А теперь в нем работаешь?

– Да нет. Я... так, на подхвате, – ухожу от ответа. Марат профессионально бинтует ногу. Танюшка с любопытством следит за плавными движениями его рук. – А ты как здесь очутился?

– Проездом, – пожимает широкими плечами. – Думал искупаться в озере, а тут такая толпа. Не знаешь, по какому поводу народ собрался?

– Еще как знаю. Они лагерь от сноса защищают.

– Вот этот? – кивает на покосившиеся деревянные домики.

– Ага. Земля тут дорогушая. Район перспективный... А то, что дети останутся без крыши над головой, никого не волнует.

– Ты же говорила, что интернат через дорогу? – вскидывает брови.

– Так и есть. Здесь малышня отдыхала летом. Не только интернатские. По линии профсоюза еще путевки давали. А теперь все. Говорят, аварийно, проверок наслали.

– Может, по делу?

– А если и так? Помогли бы с ремонтом, что сразу сносить? Одна у детей была радость, и той не станет. Даже времени на устранение недостатков не дали уроды, – ругаюсь я.

– Уроды! – повторяет Танюшка. Понимая, что наделала, в ужасе захлопываю ладошкой рот. Марат смеется. Его грудной смех проникает в меня, ослабляет нерв... Ой, нельзя. Нельзя этому поддаваться.

– Ну что, вроде бы мне уже лучше. Спасибо за помощь, Марат. Нам пора. Та-а-ань...

Глава 3

Марат

Первый порыв, конечно, возразить. Сделать все от меня зависящее, чтобы задержаться рядом с ней подольше, но у меня куча дел. Афина и без того нарушила все мои планы. Как увидел ее впервые, так к чертям забыл обо всем. Усилим воли заставляю себя собраться в стройную композицию вместо абстрактной растекшейся у ее ног кучи. Афина. Надо же. Ну, какая... Трясу головой как дурак.

– погоди, дай хоть провожу, – протягиваю руку. Она, неуверенно на меня косясь, все же вкладывает свои тонкие пальчики в мою лапищу. Идем через дорогу к интернату. Афина хромает и рвано дышит, преодолевая боль. Танюшка же без умолку трещит, словно за поводок, хватаясь за ее цветастую юбку.

– Ну, вот и пришли. Спасибо за помощь, Марат. Рада была знакомству.

– А почему была? – удивляюсь.

– Эм... Потому что мы скорей всего больше не встретимся? Ты же проездом. – Ведет округлым сахарным плечиком.

– У меня отпуск.

Ага. Фиг ты теперь от меня отделаешься. Да, я еще не знаю, что это за чувство, но то, что мне с ним теперь жить – факт. Оно под кожей уже. Внутри. Беспокоит, ворочается. Отдает в ушах оглушающим «моя»!

– Хочешь провести его здесь? – усмехается.

– Почему нет? Полагаю, чем больше народу, тем лучше?

В кармане вибрирует телефон. Наверняка меня давно уже потеряли. Делать нечего. Пока надо валить. Толкаю калитку. Раз – облом. И со второй попытки ничего не выходит. Афина оттесняет меня в сторонку и, резко опустив ручку, рывком открывает дверь.

– Вот так надо. Сильно и до упора.

Нет, я, конечно, понимаю, какой смысл Афина вкладывает в слова, но в голову бьет, словно она совсем о другом. Меня окатывает волной испепеляющей нестерпимой жажды.

– Ты когда освобождаешься? – сиплю я, раз уж мы перешли на ты. Афина вскидывает ресницы. На секунду ее задумчивый взгляд задерживается на моем лице. На губах мелькает улыбка.

– Ничего не выйдет. Даже не пытайся. – Отводит глаза.

– Почему? – задерживаю в руке ее ладонь.

– Просто. Извини, мне нужно идти.

Делать нечего. Отпускаю. Не держать же мне ее силой! Танюшка машет пухлой ладошкой. Машу ей в ответ. Калитка с лязгом захлопывается у меня перед носом. Телефон опять настойчиво звонит.

– Да... – отхожу. – Что там у вас случилось?

– Мы босса потеряли, Марат Маратыч. Где тебя носит?

Они потеряли, блин... Да я вообще, похоже, потерян.

Оглядываюсь на злосчастный забор. В ушах звучат строчки из древней песни: «Выкраду вместе с забором»...

– Я на место заехал посмотреть, что да как. Сейчас заскочу в больницу к пострадавшим.

– Вот еще! Ты свою физиономию не свети. Учуют, что сам биг босс подъехал, повысят ставки. А тут и без тебя уже один алкаш орет, что ему непременно нужно лечение в Швейцарии.

– Подъеду – разберемся, – смеюсь. Внутри пузырятся эндорфины. Мне так офигенно, несмотря на ее «нет», что я готов оплатить лечение всей деревне.

– Ну, как скажешь. А потом какой у нас план?

– Потом я тут потусуюсь. С местными.

Миша в трубке закашливается.

– Лучше ты ничего не придумал? – возмущается.

– Нет. А у тебя есть какие-то другие идеи?

– Пока нет.

– А у меня нет лишнего времени. Стройку надо начинать. А как это сделать, если мы не знаем, кто стоит за пикетом?

– Но...

– Миш, я уже еду. Там и поговорим, – закрываю тему.

Больница в поселке – зрелище довольно унылое. Из четырех пострадавших, о которых мне стало известно, в ней

остался всего один. Тот, которому лечение в Швейцарии подавай. Остальные отделались легким испугом. Ну, или нарочно наврали о травмах, чтобы раздуть скандал. Нахожу врача, получаю заверения в том, что у бедолаги есть все необходимое. И что его сотряс вполне по силам вылечить даже местным специалистам.

– На Петровиче все заживает, как на собаке. Вы не переживайте, – уверяет меня докторица.

– Тогда я денег ему оставлю.

– Зачем?

– На лечение.

– Лекарствами его уже обеспечили, а если оставите ему деньги, он их все подчистую пропьет.

Смотрю на Мишу, тот закатывает глаза, мол, а я тебе что говорил?

– Ладно. Тогда это вам. Возьмите на расходы. Пойдем, – оборачиваюсь к заму.

– Охрана не в восторге, что ты в самоволку отправился.

– Ничего. Переживут. Лучше подскажи, есть ли здесь какой-нибудь магазин поблизости?

– Тебе зачем?

– Жратвы купить. Я же в лагере остаюсь. Ты что, совсем меня не слушаешь? – открываю багажник. Помимо всего прочего здесь у меня имеется несколько комплектов одежды, спальник и тонкий походный матрас. Иногда я могу вот так в один момент сорваться и куда-то поехать... Иногда с

друзьями, но чаще – один.

– Ты?! В лагере? Да зачем, господи?!

– Хочу прощупать ситуацию изнутри.

– Так я поручу кому-нибудь другому прощупать. Ну, не тебе ж этой херней страдать?!

– Я как раз хотел отдохнуть пару дней, Мих. А там хорошо. Озеро, ивы, природа. Вот же черт! – прячусь в тень.

– Это еще что за нимфы? – глядит вслед проходящим вверх по улице девчонкам мой зам.

– «Блогерши недоделанные. Экоактивистки долбанные»... – цитирую я иронично.

– Вот эти? – тычет пальцем. – А! Так вот с чего у тебя такое желание остаться, – смеется. – А я-то думал. Что, зацепили девочки? Хороши-и-ие. Только посмотри.

Я и смотрю, да. Но не на них. Потому что в сравнении с Афиной все другие женщины меркнут. Там такая порода чувствуется, что просто ух! Эти на ее фоне – дворняжки.

– Поеду, познакомлюсь. Узнаю, че да как. Вдруг кто-нибудь проболтается?

– Не нравится мне эта авантюра, – нудит Миша.

– Да все нормально будет, – отмахиваюсь. – Ну, хочешь, оставь со мной пару ребят. Только чтобы они не отсвечивали. Оставь мне хоть немного приватности.

Миха задумчиво кивает. Я запрыгиваю в машину. Плавнo трогаюсь. И через несколько десятков метров так же плавнo притормаживаю, поравнявшись с девицами.

– Привет. Куда направляетесь, красивые?

– В магазин, – кокетливо хлопает ресничками одна.

– О, а мы тебя знаем! Ты с Афиной был, – подключается к разговору другая.

Был. Да... И буду.

– Все так. Хотите, подвезу?

Девчонки радостно кивают. Быстренько набиваются в тачку. Все ж в машине кондиционер, а на улице асфальт от жары плавится.

– Надеюсь, нам по пути!

– Я тоже в магазин, да. Надо бы пополнить запасы еды. У вас как в лагере с этим? Есть дежурный по кухне? Или каждый сам за себя?

– Есть-есть. Заведует всем интернатская повариха, а мы на подхвате.

– Не знаю, как вам, а мне этот режим боком выходит, – бурчит одна из девчонок. Другая щиплет ее.

– Вот этим боком? Ага. Ты жирная, Ритка.

– На себя посмотри, коза!

Та самая коза придиричиво себя осматривает. Девчонок пятеро. И все они одеты похожим образом. Уж не знаю, водится ли в их гардеробе изначально целая одежда, но сейчас они сплошь в каком-то модном мало что прикрывающем рванье. Наверное, подразумевается, что оно должно выглядеть сексуально, но меня такая откровенная демонстрация прелестей совершенно не вдохновляет. Другое дело Афина

в своей юбке до пят.

— А вы как, девчонки, надолго сюда? — закидываю удочку, не позволяя мыслям о ней отвлечь меня от работы.

— Я еще на пару деньков.

— Я до конца недели...

— А ты? Тебя тоже Афина позвала? Вы с ней вместе? Или как? — хлопает ресничками блондинка и, кокетничая напропалую, ведет длинным ноготком по моей руке.

— Ты дурочка, что ли?! Не знаешь, с кем она? — шикает брюнетка.

— Да они ж расстались давно!

Сжав челюсти, внимательно прислушиваюсь к разговору.

— Ага. Как же, — фыркает рыженькая.

— Я своими ушами слышала, как она говорила, что между ними давно все кончено!

— Вряд ли это ему, — девица поднимает глаза к небу.

— Почему ты так решила?

— Потому что после такого велик риск скончаться самой.

Он же на ней повернут!

Та-а-ак, это ж они про Афину, так? Получается, у нее кто-то есть? Или был. Она поэтому сказала, что у нас ничего не выйдет? Сбавляю скорость, поймав себя на том, что не очень-то хорошо контролирую ситуацию. Перед глазами мелькают точки, складывающиеся в слова «моя», «моё». Ни хрена себе, как меня пробрало! И это учитывая, что между нами еще даже толком ничего не было.

– Ой, а мы магазин проехали... – спохватывается одна из девчонок. Я притормаживаю, разворачиваюсь осторожно, но пыльная взвесь все равно поднимается над пустынной дорогой.

– А как тебя зовут, красавчик?

– Марат.

– Я – Леся, это Милана, Сашка, Рита и Вета.

– Значит, вы приехали по просьбе Афины? – пытаюсь осторожно прояснить ситуацию. Паркуюсь на небольшом пятчке у магазина.

– Угу. Она в этом интернате росла, ну и вот... Хочет защитить.

– А нам несложно, – подхватывает другая девчонка. – Ритка, ты куда это?

– За винишком, – усмехается Вета, глядя в спину приятельнице. – Куда ж еще?

– Афина строго-настрого запретила бухать в лагере!

– Вот пусть и не бухает. А я от скуки скоро помру.

– Допросишься ты! Вышвырнут тебя.

– Невелика потеря. Много мне радости в этой глуши куковать.

– Так какого черта приехала? Сидела бы дома.

Рита на последнее замечание никак не реагирует. Только выставляет перед собой фак. Я морщусь. Вот вроде и живу я в этой культуре с рождения, а все равно она мне как будто чужда. Разве женщина может вести себя так?

Беру тележку. Иду между неказистых витрин. Даже вспомнить не могу, когда я вот так лично сам что-нибудь покупал. Придирчиво изучаю этикетки. Срок годности и состав. Из всего этого я могу приготовить разве что мясо. Кладу в тележку несколько лотков с курятиной. Девки покупают что-то свое, не упуская возможности при случае соорудить мне глазки.

– А ты ж нам составишь компанию?

– Посмотрим.

– Вечером веселей. Жара не такая, можно искупаться, потанцевать.

Бурчу что-то невнятное. Расплачиваюсь за покупки. Забираем багажник. Всю дорогу до лагеря девчонки напропалую со мной флиртуют. Я вяло отмахиваюсь. От стоянки до полевой кухни идти прилично. Делать нечего. Вызываюсь помочь девчонкам донести сумки.

– Марат, а ты вечером свободен?

– Как сказать, – ухожу от ответа.

– А пойдем купаться? Голышом. Я так ненавижу все эти купальники. Но сама из-за местных боюсь. Мало ли что у них на уме.

Девки хихикают. Закатывают глаза. Намек весьма и весьма непрозрачный.

– А то, что здесь детей тьма, тебя не смущает, Никитина? – доносится глубокий, отзывающийся лаской в животе голос.

– Ой, Афин, а мы тебя не заметили.

– Я так и поняла, – усмехается та. Нечитаемый взгляд соскальзывает на мою руку, за которую прочно вцепилась девчонка. Оуч... Я машинально стряхиваю чужую загребущую лапку. Бутылки в пакете звякают. Афина недобро сощуривается.

– Надеюсь, это лимонад.

– А если нет? – выступает вперед Рита.

– А если нет, то тот, кто это приобрел, забирает свое барахло и валит отсюда на все четыре стороны.

– Это благодарность за то, что мы пришли тебе на помощь?! – рычит девица, наступая. – Да если бы не мы, здесь бы все с землею сравнивали!

– Вы помогли не мне. А детям. И не за просто так, – цедит Афина. – Вы с ней заодно? – оборачивается к остальным девочкам.

– Нет. Мы говорили, что алкоголь покупать не надо. Но кто нас послушал?

Взгляд Афины скользит дальше мимо меня. Будто я – вообще пустое место.

– Я только помог донести, – замечаю тихо, и улыбка помимо воли касается моих губ. Афина в ярости – это что-то. У меня слабеют коленки. У меня кружится голова. У меня такой стояк, что сдохнуть просто. – Не могу разрешить женщине таскать тяжести, даже контрабанду.

– Блин, ты такой классный! – стонут девицы. Афина громко фыркает.

– Не злись, – подхожу к ней, опускаюсь на корточки. – Это тебе.

Афина недоверчиво заглядывает в пакет.

– Курица? – удивленно хлопает глазами.

– Угу. Разве я не добытчик? – улыбаюсь. Ну, пожалуйста, пожалуйста, давай уже, выдыхай. Не нужны мне эти малолетки и даром. Ты же умная девочка...

– Э-э-э... Еще какой. Спасибо, что она, по крайней мере, по частям и без перьев. Теперь, видимо, предполагается, что я должна ее приготовить?

– Готовка – женское дело, – пожимаю плечами.

– Т-ш-ш!

– Что?

– Ты здесь со своим махровым сексизмом потише. Девчонки-то у меня в основном феминистических взглядов. Рассоришься, никто больше не позовет купаться.

– Ревнуешь? – касаюсь ее подбородка пальцами. Фиксирую взгляд своим.

– П-ф-ф-ф. Было бы к кому.

– Ты права. Не к кому совершенно. Я исключительно твой.

Афина потрясенно моргает. Несколько раз открывает и закрывает рот, да так и не находится с ответом. Касаюсь ее губ своими, девчонки, которым хватило ума отойти, улюлюкают.

– Ты что делаешь? – накрывает губы пальчиками.

– Целую. Нельзя?

– Не слишком ли поздно ты спрашиваешь? – хмурит соболиные брови.

– Тебе не понравилось?

– Хм...

– Не распробовала? – улыбаюсь и наклоняюсь снова, но наталкиваюсь на блок.

– Перестань, – твердо. – Я не заинтересована в интрижке.

– Я тоже, – усмехаюсь, целую ее в лоб и, подхватив несчастную курицу, иду к полевой кухне.

Глава 4

Афина

– Ну и чего ты крутишь носом, Алфеева? Ну, прелесть ведь, а не мужик! Культурный, обходительный. Настоящий джентльмен. А как на тебя смотрит! – вздыхает сидящая в тени деревьев Сергеевна.

– Вот-вот! И нам он тоже понравился, – улыбается сама добродушная и неиспорченная из понаехавших девчонок. Леся.

– Смотри, а то уведем, – добавляет Милана, смеясь. Хмурюсь, хотя, казалось бы, какое мне дело до пустой болтовни девчонок? У них вообще язык без костей, а я барышня ученая жизнью, степенная. Развести меня на эмоции не получится, как ни старайся.

– Да, пожалуйста, – отмахиваюсь.

– Но-но, ты тут мне с барского плеча мужиками не раскидывайся, – тычет Сергеевна в бок.

– Да не светит мне с ним ничего!

– Почему это?

И правда? Хороший вопрос.

– Во-первых, я его совсем не знаю, во-вторых... – «во-в-

торых» даже моя богатая фантазия сгенерировать не в силах. Говорю себе, что и первого вполне достаточно, а сама невольно кошусь на Марата, который раздобыл где-то решетку для барбекю и теперь чистит овощи.

– А я, пожалуй, пойду, развею скуку, – кошкой потягивается Рита. Ее куцый топик задирается, обнажая поджарый живот. Она явно пытается меня спровоцировать, но ничего у нее не выйдет.

– Делай что хочешь. Только пакет с выпивкой оставь, – вытягиваю перед собой руку и с намеком шевелю пальцами.

– Подумаешь, – оскаливается стервоза и вместо того, чтобы отдать пакет мне, бросает его под ноги. – Там такой мужик, что голова и без винчика кругом.

Я вцепляюсь пальцами в деревянный шезлонг. Эх... Закурить бы. Мужик и впрямь хорош, кто ж спорит? Он откликается во мне, а этого так давно не случалось, что я уже и забыла, как оно порою бывает. Вот, что значит – традиционное воспитание. От наших мужчин настолько деликатного обхождения и внимания к себе ни за что не дождешься, а тут – конец света просто. Чувствуешь себя королевой.

– Бедовая девка, – качает головой Сергеевна, глядя вслед удаляющейся Ритке. – Найдет ведь себе на задницу приключений! И что тогда?

– Надо ее убирать отсюда. Нам проблемы не нужны. Как и скандал вокруг лагеря. Уж эти... – киваю в сторону брошенной техники, что темнеет чуть дальше по берегу, – не

упустят случая выкрутить его себе в плюс. А мы и так здесь на птичьих правах. Не мне тебе это рассказывать.

– Ритка вроде завтра домой собиралась. Но теперь может и передумать. – Милана, поджав губы, кивает в сторону Марата и выющейся вокруг него девки.

– Да ладно. Не ее уровня «папик».

– Сашка! – шикают на нее остальные девчонки. – Хочешь выговор, да?

Понятно, что выговор девчонки ждут от меня. Приподнимаюсь. Нога ноет, но уже не так сильно. Все же вовремя оказанная медицинская помощь свела к минимуму последствия травмы. И тут Марату спасибо, конечно, но на этом и все.

– Я вам не мамка – жизни учить. Если кому-то карьера нужна лишь для того, чтобы обзавестись мужиком побогаче – дерзайте. Я предпочитаю ни от кого не зависеть.

– Мы тоже! Сашке вон Фенди предложили контракт...

– А мы ведем переговоры с Томом Фордом.

– А Ритка с Удовиченко вроде таскалась. Поправилась, ну и на почве этого у нее возникли серьезные проблемы. Даже неустойку пришлось платить. Кто теперь с ней захочет работать?

Ничего удивительного. Контракты с агентствами у девчонок довольно строгие. Да и вообще это собачий труд. Попробуй, вытяни, не тронься умом и не сторчись в попытке держать вес в норме. На кокаиновой-то диете. Меня бог миловал, но в тусовке я на это дерьмо насмотрелась. До конца

жизни иммунитет.

Я потихоньку встаю и начинаю пробираться к лагерю.

– Афина! Постой. Ты далеко собралась? – догоняет меня Марат. Только-только остывшая к вечеру голова вновь начинает кружиться. От его голоса и аромата теперь с примесью легкой прокопченности. Прячу улыбку.

– К себе.

– А как же ужин? – чуть сводит темные брови. – Я старался.

– Уверена, на мою порцию найдутся желающие, – усмехаюсь я, впрочем, не спеша уходить. Складываю руки, смотрю мимо Марата на воду, в которой, перевернувшись, отражаются разноцветные домики, вышки электропередач и макушки ив. Умиротворяющая картина. Я за этим здесь, а не за очередной встряской. Главное, помнить об этом. Ведь рядом с таким, как Марат, довольно просто потерять голову.

– Может быть. Но это не означает, что я готов ее отдать кому-нибудь другому.

– С кем-то другим у тебя гораздо больше шансов. – Вздыхаю и, прихрамывая, осторожно шагаю дальше. Ну, вот и все. О чем еще говорить?

– А я не ищу легких путей, – прилетает в спину, невольно снова меня замедляя. Так хочется поддаться этому наваждению... Так хочется!

– Заметно, – не могу скрыть улыбку в голосе.

– У тебя кто-то есть? – за спиной хрустят ветки, это Ма-

рат увязывается за мной по давно не метеным дорожкам. И почему-то это мне кажется страшно неправильным. Такой мужчина, как он, ни за кем бегать не должен. Есть в этом что-то противоестественное, ненормальное, дикое...

– Дело не в этом. – Останавливаюсь и чуть отхожу в сторону, пропуская идущую к озеру парочку. Девчонка с любопытством на нас косится. Я уже лет пять как сошла с подиума и с обложек модных журналов, но в свое время так ярко о себе заявила, что даже теперь меня нет-нет да и узнают.

– А в чем?

– Я же уже сказала. Мне не нужна интрижка.

– А я ответил, что и мне она даром не далась.

– Означает ли это, что ты предлагаешь мне серьезные отношения? – усмехаюсь.

– Почему бы и нет?

– Потому что ты совершенно меня не знаешь и не можешь всерьез этого хотеть.

– Так давай познакомимся поближе. Разве не с этого начинают все нормальные люди?

Заманчиво. Боже, как это заманчиво. Просто вот так, не спеша, узнавать друг друга.

– У тебя, кажется, мясо горит, – съезжаю, поведя носом.

– Да блин! – Марат оглядывается, зарывшись пятерней в волосы. – погоди, я сейчас сниму и вернусь.

– Не могу. Мне малышню уложить надо.

– Ладно. Тогда я приду, как справлюсь.

– Так не положено ведь, – теряюсь от его напора.

– Мы никому не скажем. Ну, все. Убегаю...

Растерянно провожаю взглядом широкую спину Марата. Ничего не могу с собой поделать. Он мне страшно нравится. Хромая, бреду к зданию интерната. Проверяю детвору. Перекидываюсь парой слов со старшими, малышам читаю сказки, а те доверчиво льнут ко мне. Будучи еще наивной дурочкой, я верила, что обязательно смогу кого-нибудь из них забрать в свою семью...

– Афин, – в тишине комнаты зовет меня воспитательница.

– Ты никак задремала?

– Нет.

– Там к тебе пришли. Такой... темненький.

Сердце подпрыгивает в груди.

– Спасибо, – шепчу, осторожно отвожу ручку Танюшки, даже во сне продолжающую сжимать мой указательный палец. Встаю. У зеркала в коридоре останавливаюсь ненадолго, жалея, что не потрудилась хоть немного прихорошиться. Это то же самое зеркало, у которого я лет пятнадцать назад крутилась, собираясь на свое первое свидание. Смешно... И страшно почему-то, и томно.

Касаюсь пальцами лица. Убеждаю себя, что оно по-прежнему красиво. Все-таки у меня были самые лучшие врачи. Может, права Сергеевна, и мне стоит перестать заикливаться на прошлом, позволив себе небольшую, придающую уверенность шалость? Марат как раз из тех мужчин, рядом с ко-

торыми у женщины очень быстро поднимается самооценка.

Спускаюсь потихоньку. Таблетка, видно, перестает действовать, и ступать на ногу все больнее. Поморщившись, выглядываю в окно. Марат сидит на качелях, поставив на колени полную снеди тарелку.

– Марат! – зову, поколебавшись. Он торопливо преодолевает двор. – Проходи!

– Будем нарушать? – сверкает глазами.

– Похоже на то. У меня нога вконец разболелась. Или так, или отложим.

– Да какой там?! Я тебя лечить буду. Вот, вроде бы ничего получилось. – Берет с тарелки зарумянившуюся ножку и подносит к моим губам. Делать нечего. Откусываю. Слизываю жир с губ под его плавающим косточки взглядом.

– М-м-м. Фкушно... Но мне лучше присесть.

– Куда идти? – спохватывается Марат.

– Куда поближе, – указываю на первую попавшуюся дверь. Он кивает. Отставляет тарелку на покосившуюся тумбу, подхватывает меня на руки и заносит в музыкальный зал. Прячусь у Марата на шее. Ловлю себя на том, что хочу его запахом, им изнутри пропитаться. И хоть так утолить проснувшийся всепоглощающий голод. В комнате тихо. Поэтому надсадные звуки моего дыхания невозможно скрыть. Он прекрасно понимает, какие чувства во мне пробуждает.

– Нужно включить свет.

Марат осторожно опускает меня на пол. Но меня все рав-

но ведет, голова кругом... Чтобы устоять, хватаюсь за мебель и случайно ударяю по клавишам стоящего у стены фортепиано.

– Черт! – ругаюсь. Марат тихо смеется.

– Где-то тут выключатель, – шепчу, ощущая странное, давно забытое чувство смущения.

– Не надо света.

– Темно ведь, – вздыхаю.

– Если ты откроешь глаза, то сможешь убедиться, что света с улицы вполне достаточно. Романтика, ну!

Медленно поднимаю ресницы. А ведь я и впрямь все это время стояла, зажмурившись, как малолетка, на которую, наконец, обратил внимание самый популярный в округе мальчик. Блин. Неловко-то как. По живому...

– Присаживайся. Я сейчас принесу наш ужин.

Марат уходит, я падаю в скрипучее кресло. Колени подкашиваются, но я вынуждена признать, что моя больная нога тут совсем ни при чем.

– А вот и я. – Марат пододвигает стул и ставит между нами тарелку. – Ешь! И рассказывай.

Послушно беру ножку. Пахнет мясо просто божественно. Я это еще в первый раз оценила. Откусываю, с губ срывается стон удовольствия. Уж не знаю, как ему удалось разбудить мой аппетит.

– Что рассказывать-то? М-м-м, – закатываю глаза.

– Тебя тут голодом морили, что ли? – ведет пальцами по

моей щеке. Я нервно сглатываю.

– Нет. Просто не было аппетита.

– Почему?

– У меня сейчас не самый лучший период в жизни. Я, собственно, поэтому сюда и приехала.

– А я думал, ты приехала сюда потому, что руководишь пикетом против сноса лагеря.

– Да нет, что ты. Здесь и не надо какого-то руководства. Вот координатор, да. Потому как то густо у нас, то пусто. Среди недели особенно сложно. Все работают. Разъезжаются по домам.

– А девочек разве не ты позвала? – Удивляется. – Этих... Блогерш, которые подняли шум.

– Ну как позвала? Написала о том, что происходит, у себя в соцсетях, понимая, что эти ни за что не упустят возможности засветиться. Девочки – модели. А сложившаяся ситуация для них – хороший фон.

– Так вот оно что. Значит, и ты модель?

– В далеком прошлом.

– А в настоящем?

Вот о чем мне не хотелось бы говорить.

– В настоящем я помогаю Сергеевне. Это заведующая интернатом. Потрясающая женщина. Работать-то сюда особенно не идут, вот она и тащит на себе все сама. В летний период особенно сложно, потому как отпуска.

– Значит, ты помогаешь детишкам?

– Или они мне, – пожимаю плечами, – это же фантастика, как они...

– Что?

– Как они готовы прощать тебе все что угодно, принимать тебя со всеми твоими тараканами и заморочками, быть полностью и абсолютно на твоей стороне, бескорыстно, щедро, по-царски. Даже не знаю, почему принято считать, будто это мы их чему-то учим. На самом деле все происходит с точностью до наоборот.

– Значит, ты учишься прощать? Только не говори, что хочешь простить мужчину.

– О, нет. – Мне даже смешно. – Но что мы все о грустном? Ты, помнится, мне романтику обещал.

– Раз обещал, надо исполнять, – задумчиво кивает Марат, а я иронично ухмыляюсь, потому как у мужчин обычно какие-то свои представления о романтике. Жду, что он поцелует меня или попытается соблазнить. Даже почти решаюсь поддаться этому. И тут он усаживается за фортепиано и уверенно касается клавиш... Ну, нет. Так не бывает. Он не может еще и музицировать. Хоть где-то же он должен сплеховать!

– Не то? – даже в темноте вижу его белоснежную улыбку. – Сыграть другое? Тебе не по душе репертуар?

– Нет, – откашливаюсь, – Шопен мне вполне подходит.

– Тогда что не так?

– Тебе кто-нибудь говорил, что нельзя быть таким идеаль-

ным?

– Почему нет?

– Это жутко раздражает.

– Значит, ты раздражена? – смеется тихо.

Эх... В том-то и дело, что нет. Я в полнейшем восторге. И это проблема. Очень-очень большая проблема. Но с другой стороны, если об этом никто не узнает, то... Нет. Я не могу рисковать.

Глава 5

Марат

– Да, отец. Доброе утро.

– Судя по твоему голосу, утро и правда доброе.

Я останавливаюсь посреди дорожки. Лагерь только-только начал просыпаться, народ потянулся к импровизированным умывальникам и душевым, а я... я даже не ложился. Прикрываю пекущие от недосыпа глаза и подставляю лицо ласковому утреннему солнцу. Я влюблен, я покорен, я будто бы под хорошей дозой. Это, видно, издалека чувствуется. Неспроста же отец заметил. Ну и пусть... Мне скрывать нечего. Да и не скроешь такого.

– Погода отличная.

– Хм... Кажется, ты далеко от дома. У нас тут гроза.

Веду носом. Воздух действительно наполнен ароматом озона, тянущегося от костра дыма и мокрой глины. Глина здесь всюду. Из-за этого вход в озеро не ахти какой. Правда, сейчас с одной стороны берег песком отсыпали, сделав некое подобие пляжа. А вот в детстве Афины дно было глиняным, склизким, и чтобы не поскользнуться, ступив в воду, надо было придерживаться за камыш. Этой ночью я узнал много

таких вот историй из ее жизни. И поделился с нею своими. Теми, которые, даже не знал, что помню.

– Я в Беляево. Разбираюсь с пикетчиками.

– И как? Уже понял, кто за этим стоит? – голос отца меняется, как всегда, когда он говорит о делах.

– Да никто. Тут, знаете ли, вот какая история...

Рассказываю все, что мне удалось узнать.

– Ну и что мы будем делать с такими историями?

Хороший вопрос. Я рад, что отец задумался. Он хороший мужик. Правильный и справедливый. Успех в бизнесе и сверхприбыли для него не есть сама цель. И это мне сейчас как никогда на руку, потому что, понятно, из-за Афины снести здесь все подчистую у меня не поднимется рука. Да и детей жалко, у них и без того все сложно.

– Ситуация не безвыходная. У меня уже есть кое-какие идеи. Надо все осмыслить и как следует просчитать.

– Идеи – это хорошо. Но не забывай, пожалуйста, что у нас инвесторы. Твой план должен понравиться им.

В этом и заключается наша самая большая проблема. С другой стороны, если последовать примеру Афины и надавить на то, что социальная повестка – модная нынче тема, можно и лагерь сохранить, и проект. Убеждать я умею. К тому же в этом вопросе у меня огромная мотивация. Благодарность Афины. Ее восхищение. Моими деловыми качествами, конечно, и не только.

– Я все понимаю, отец.

– Вот и хорошо. Да, кстати, чуть не забыл. Фариз прилетает во вторник. Ты будешь нужен мне на совете директоров. Ну и потом. Зара организует ужин. Фариды, конечно, тоже приглашена.

Фариды? Я уже забыл про нее и думать. Блин.

– Ладно. Ужин – так ужин.

– Что-то не слышу в твоём голосе энтузиазма, – усмехается отец.

– Откуда ему взяться? Я ее совершенно не знаю, – отделиваясь полуправдой.

– Так познакомитесь. В этом весь смысл. Фариды хорошая девочка, можешь мне поверить.

– Я верю, – вздыхаю. Может, она и правда хорошая – эта Фариды, только мне от этого что? Когда все мои мысли о другой? И в этом же, как ни странно, моя ошибка. В том, что думая об Афине, я до сих пор не учел некоторых крайне важных моментов. Во-первых, и в основных, она не наших кровей. Во-вторых, не мусульманка, в-третьих, у нее до меня явно была какая-то неприятная история, которая, вполне возможно, тянется до сих пор. Не удивлюсь даже, если она была замужем. Все это не лучший пролог для начала отношений с парнем вроде меня. Я слишком хорошо знаю традиции нашего народа, чтобы питать иллюзии насчет того, что мои родители с радостью примут в семью девушку с таким бэкграундом. То есть... Гулять мне, конечно, не запрещено. И в качестве разовой подружки я в праве выбирать девуш-

ку любой национальности и нравов. В любом случае то, что девушка согласилась на отношения без благословения родителей, будет свидетельствовать не в ее пользу. А если это что-то серьезное... Растерянно отвожу упавшие на лицо волосы. И сворачиваю разговор с отцом.

– Кхм-кхм.

Оборачиваюсь резко. И все мои нехорошие мысли топят-ся в нежной улыбке Афины.

– Доброе утро.

– Доброе. – Шагаю навстречу ей. Мы расстались каких-то полчаса назад, но я соскучился так, будто мы тысячу лет не виделись.

– Я тебе кофе сварила, – протягивает чашку. – Не знаю, какой ты пьешь.

– Правда? А я думал, что за эту ночь ты все-все про меня узнала. – Забираю чашку.

– Нет. – Соприкасаемся пальцами и стоим, глядя на воду. Невинной этого ничего нет. Но меня накрывает даже от такой малости. Мое тело, все мои мужские рефлексy в стойке. Ее расфокусированный взгляд из-под ресниц пьянит. И мне пипец как, как никогда еще в жизни, хочется очаровывать ее с каждым разом все больше и очаровываться самому. Это неожиданно превращается в какую-то ненормальную, болезненную потребность. Неужели это и есть любовь? Поворачиваю голову, провожу носом по виску Афины, прямо по дрожащей голубой венке. А она мной пахнет, ведь нагово-

рившись под утро, мы еще пару часов полулежали вдвоем в неудобном скрипучем кресле. Я на сиденье, она на мне, доверчиво положив светлую головку на грудь и скользя по рукам тонкими пальчиками...

Медленно выдыхаю и снова втягиваю в себя наш смешавшийся аромат. Под колени бьет сытым мужским довольством. Которого мне, впрочем, тоже мало. Я на максималках ее хочу. Целиком. Жажда обладания настолько сильная, что я буквально схожу с ума. Перед глазами картинки – одна горячей другой. Вот я толкаю ее в высокую траву, нависаю сверху и... Трясу головой. Подношу к губам чашку. Надо брать себя в руки. Мы же тут не одни. Да и вообще я почти уверен, что для Афины гораздо более интимны и значимы наши с ней вчерашние разговоры, чем так и не случившийся секс. Что вчера она отдала мне гораздо больше себя, чем я бы смог получить, поимев ее всем известным способом. И это тешит, это умиряет пробудившиеся инстинкты. Все будет. Непременно будет. Но не так, не обыденно... Не как со всеми. Просто потому что Афина – не все. Она моя. Я это кожей чувствую.

– Ничего вышло? – беспокоится, указывая на чашку. Я киваю в ответ. Оседаю на землю. За руку утягиваю ее за собой. Полюбоваться-то зарождением нового дня мы можем?

– Все как я люблю. Ты угадала. Вкусно.

– Врешь?

– Не-а. Чистая правда.

Допиваю. Отставляю чашку. Ложусь в траву. Небо над головой – все равно что море... Афина укладывается рядом, и кажется, будто мы с головой проваливаемся в невесомость.

– Как думаешь, будет дождь?

– Хоть бы. Земля сухая, как порох. Весь урожай сгорит.

– А ты и в этом разбираешься?

– Я удивительно многогранная личность, – усмехается, переворачиваясь на живот. Вдали слышатся голоса отдыхающих, детворы, лают собаки. А мне с ней так тихо, что звонок телефона заставляет вздрогнуть. Афина хмурится. Заведя руку за спину, достает из кармана айфон. Смотрит на номер и еще больше мрачнеет.

– Не хочешь взять? – киваю.

– Нет.

– Почему?

– Почему люди не берут трубку? Потому что им звонят те, с кем не очень хочется говорить.

– Это мужчина?

– А это – сцена ревности?

– Нет, – цежу сквозь зубы, с трудом контролируя закипающие внутри незнакомые прежде эмоции. – Это попытка лучше узнать женщину, с которой...

– У тебя ничего не было.

– Зачем ты так? Я разве заслужил? – одергиваю. Это нелегко – сохранять трезвость мысли, но кто-то же из нас должен.

– Нет, конечно, нет, – шепчет она. – Прости. – Касается моей руки пальцами. Рисует один ей понятный узор.

– И все-таки, кто это? Твой бывший?

– Это – моя самая большая ошибка, Марат. Пожалуйста, давай об этом не будем.

– Хочешь, я с ним поговорю?

Она садится, опираясь на руку. Смотрит на меня, закусив губу. Есть в ее взгляде что-то сбивающее меня с толку. Здесь и веселье, и благодарность, и что-то болезненное.

– Спасибо. Это совершенно лишнее. Давай сойдемся на том, что свои проблемы я буду решать сама.

Ну да, как же. Сама... Это невозможно ни при каких обстоятельствах. Я должен знать, с чем имею дело, чтобы понимать, как нас защитить. Афина, к счастью, не в курсе наших традиций, и я пока не стану ничего ей объяснять, чтобы лишний раз не пугать сложностями, но сам-то я должен понимать, от чего мне отталкиваться, объясняя родне свой выбор!

– Я мужчина. Я должен решать проблемы.

Афина вздыхает. И не желая пускаться со мной в спор, игриво интересуется:

– А что должна, по-твоему, делать я?

– Любить меня. Рожать детей, создавать уют в доме...

Улыбка Афины немеет. Застывает на лице рваным шрамом.

– Ох, ты ж, черт! – спохватывается она. – Я ведь обещала

провести с малышкой зарядку!

– Постой. Тебя что-то смутило в моих словах?

– Нет! Но ты рассуждаешь... хм... очень патриархально.

Прости. Мне правда нужно бежать.

Афина наклоняется, чтобы забрать пустую чашку, и, прихрамывая, идет к лагерю, где ее дожидается детвора. Интересно, как она собирается заниматься с травмированной ногой? Не сводя обеспокоенных глаз с Афины, набираю Мишу.

– Мих, скинь мне всю имеющуюся документацию по лагерю.

– Зачем? Тут же все решено.

– Ничего не решено. Давай, скидывай. И это... скажи мне, насколько заключения об аварийности соответствуют действительности?

– Да как сказать? Половина таких лагерей по всей стране находятся в похожем состоянии. И ничего. Работают.

– Ясно. Я подумаю...

Пока Афина довольно профессионально гоняет детей, я изучаю имеющиеся у нас экспертизы. Делать что-то у нее за спиной неправильно. Не мешало бы ей рассказать, кто я такой, и какой мой интерес, но я пока мало представляю, как это сделать, чтобы она, недоверчивая, поверила, что я ей не враг. Да и не привык я по-пустому сотрясать воздух. Пока у меня нет четкого, согласованного со всеми заинтересованными лицами плана, не о чем и говорить. А чтобы такой план появился, мне с командой нужно проделать кучу дополни-

тельной работы. Любые изменения в плане застройки требуют обоснованных аргументов. Чтобы никто из партнеров не смог упрекнуть меня в том, что я спутал бизнес с личным. Ну и чтобы у родителей не появилось еще одного аргумента против Афины, да... Этот риск мне тоже стоит учитывать.

За время зарядки Афина еще несколько раз отвлекается на телефон. Рука дергается набрать одного надежного человека, которого я иногда привлекаю для сбора информации, но... в последний момент я отказываюсь от этой мысли. Не насовсем, если уж откровенно, на то, чтобы рассказать мне свою историю, я даю Афине аж целых два дня. Мне это кажется справедливым.

В работе день проходит незаметно. Наступает время обеда. Пустой желудок урчанием напоминает о том, что я со вчерашнего дня ничего не ел. С завистью смотрю на кипящую в котелке кашу, которую хохотушки-блогерши по какому-то недоразумению зовут пловом.

– Марат! Иди к нам, что смотришь? Мы тебя накормим, напоим...

– И обогреем! – смеются.

Замечаю мелькнувшую между деревьев знакомую юбку.

– Насыпай, – киваю. – И сюда... – подставляю еще одну тарелку. – Спасибо, дамы.

– Эй! Эй! Ты куда это собрался? А мы?!

– Да к Афине он, девочки, – хохочет Леська. И ее смех тонет в оглушительном раскате грома. Девчонки визжат, тол-

каясь и мешая друг другу, быстренько сворачивают застолье. Дождь начинает накрапывать... Тучи сгущаются на глазах, топя лазурь в черничном. Я бреду по дорожке с двумя тарелками, как официант. Афина, спрятавшись под козырьком покосившейся беседки, о чем-то горит по телефону. Ее брови нахмурены. Лицо – застывшая маска, которая идет трещинами, стоит ей только меня заметить.

– Говорят, в грозу лучше воздержаться от разговоров по мобильнику.

Знаю, это идиотизм, но Афина как будто им проникается.

– Извини, у нас тут Армагеддон. Я перезвоню.

Засовывает телефон в карман. Шагает ко мне, успокаивая всех моих демонов махом.

– Обед! – веду у ее носа тарелкой.

– Сам готовил?

– Нет, – каюсь. – Выпросил у твоих девчонок.

Во взгляде Афины мелькает... ревность. Довольно скалюсь. Не все ж мне одному стрессовать.

– Так с ними бы и ел.

– Не хочу с ними. С тобой хочу. Здесь сядем? Или к тебе успеем?

– Кто сказал, что я тебя приглашу? – улыбается уголками губ.

– А что, нет? Представляешь, как классно. За окном гроза, а мы вдвоем под одеялом... Ну, соглашайся! И правда, ведь ливанет.

– Ну... Если обещаешь без рук.

– Обещаю, – скрещиваю за спиной пальцы.

Глава 6

Афина

– Ну, постой ты! На дворе ночь еще. Куда ты собралась ехать?

– У меня возникли дела, Сергеевна. Срочные... А утром пробки.

– Знаю я твои срочные дела. Твой козел опять объявился? Ну? Посмотри на меня сейчас же!

Начнем с того, что мой козел никуда не девался. Да, сразу после того ужасного случая, который Владимир примирительно зовет «происшествием», по требованию адвокатов он на какое-то время оставил меня в покое, но с тех пор уже несколько раз напоминал о себе. И это все сильнее меня беспокоит. Несмотря на полученный судебный запрет.

Стопорю чемодан. Испуганно кошусь за спину.

– Тс-с-с, Сергеевна, я тебя прошу. Не ори так. Детей ведь перебудишь.

– Дитём ты зовешь того бугая, что в твоей кровати остался?!

– Между нами ничего не было, – мямлю я. С Сергеевной я могу себе позволить быть мямлей. А вот с остальными

приходится держать дистанцию. Один из фотографов как-то сказал, что от идущего от меня холода у него потеют линзы на камере.

– Так уж ничего?

– Ничего!

– Да ты бы знала, как вы друг на друга смотрите, когда думаете, что вас никто не видит! И что?

– Что? – снова дергаю чемодан.

– Ты вот так запросто свалишь и даже не объяснишься?

– Это только все усложнит. Ну, сколько я его знаю, Сергеевна?

– А сколько нужно знать человека, чтобы его полюбить?!

– Ну, о чем ты? Какая любовь?

Ведь и правда, если подумать... Если включить голову и выключить сердце, которое заходило в истерику, когда мы с Маратом лежали, как ложки в серванте, и смотрели друг другу в глаза?

– Нормальная! Нормальная любовь, понимаешь? Здоровая! Такая, какой она должна быть. Мальчик, девочка, лето...

Да-да, идеальная картинка из детства. Не на это ли я повелась? Может, дело вообще не в Марате? А в том, что просто все так совпало? Мое детское, так и нереализованное желание банально влюбиться? И все одно к одному. Место, где мне было хорошо, воспоминания, чувства, переливающиеся в новом свете, как чешуя зеркального карпа, которого я здесь

же когда-то давно и поймала на удочку?..

Наверное.

– Сергеевна, не трави душу, ну что ты? – шепчу беспомощно. – Ничего бы у нас не вышло.

– Почему? Потому что он для тебя слишком прост?

– Да! И поэтому тоже.

– Не думала я, что тебе только олигархов подавай, Алфеева! Я тебя не так воспитывала.

– Да при чем здесь это? Просто... Ну какие у этого мальчика шансы справиться с Коваленко? Он же ни меня, ни его не оставит в покое, если узнает.

– А ты чего за мужика решаешь? Он сам не может?

– Может! В том-то и дело. Если я все правильно про него поняла... Влезет, впишется за меня, а дальше? Владимир его растопчет, потому что... Ч-черт. – Пальцы дергаются в поисках сигареты. – Потому что разный у них вес. И возможности разные. Это изначально утопия. – Гроза уж улеглась, а воздух как будто все еще наэлектризован. Приглаживаю пятачком волосы. Бросаю очередной беспомощный взгляд на Сергеевну, которая весь мой сбивчивый монолог не сводит с меня глаз.

– И как долго еще это будет продолжаться?

– Что именно?

– Как долго ты будешь позволять этой скотине портить свою жизнь?

– Почему портить? Мы больше не вместе. Знаешь, какое

это достижение?

– А толку, если с другим ты не можешь быть?

– Зачем мне другой, Сергеевна? Что, я без мужика не проживу? А потом... Потом не стоит сбрасывать со счетов, что Коваленко рано или поздно найдет, на кого ему переключиться.

– Дурак думкой богатеет, – бурчит Сергеевна. – Так и ты.

– Мы не можем этого исключать, – стою на своем упрямо.

– Как же... Ты хорошо подумала?

– Более чем. Труба зовет. Если на вас опять попытаются наехать – звони. Я на связи. Будем что-то думать, ага?

– Об этом не беспокойся. Девкам-то твоим что говорить?

Маратику?

– Правду. Что у меня появились дела. Девочки поймут.

Марат... – пожимаю плечами. – Надеюсь, очень скоро меня забудет.

– А ты его?

А я его намеренно буду помнить. Каждую проведенную вместе минуту. Каждое слово, каждый взгляд, каждый жест. Каждую реанимированную и распустившуюся в пустыне моей души эмоцию. Это было так красиво... Так невыносимо красиво. И сладко. Как первая влюбленность. До боли и остановки дыхания, на разрыв чувств. Когда кажется, что это – то самое, и ничего другого уже не будет.

– Неважно. Я на связи, ага?

– Осторожно на дороге!

Я забираюсь в машину, Сергеевна у окна крестит воздух. Вроде мелочь, а меня опять трогает. Я словно без кожи. Наружу нервами. Плавно трогаюсь. Дорога здесь – полный отстой. Сосредотачиваюсь на том, чтобы не угодить колесом в яму, очень удобно. Включаю погромче музыку, пусть лучше радио долбит в виски, чем обуявший меня страх или сомнения, правильно ли я поступаю? Мозгом понимаю, что да. Но сердце аргументов мозга не принимает. В сердце мед и сахар. В животе бабочки... Я, оказывается, так быстро подседа на эти странные ощущения. И теперь тоска меня топит.

Марат... Он будто открыл потайные двери в давно утраченный мир, который мне так жадно и в то же время так больно видеть. И я на секунду закрываю глаза. Пространство вокруг взрывается оглушительно громким сигналом. Едва успеваю увернуться от выскочившей откуда ни возьмись фуры. Притормаживаю. Съезжаю к обочине. Руки дрожат, сердце где-то в горле колотится... Как же проще было, когда я ничего не чувствовала. Даже страха.

Дышу глубже, снова трогаюсь. Звонок с незнакомого номера застает меня на подъезде к городу. Коваленко всегда звонит с незнакомых номеров. Потому что, когда он звонит со своего, я просто не беру трубку. Есть искушение не взять и сейчас. Но повода нет. Он вроде как звонит мне по делу. Единственное, что я себе позволяю – не ответить на первый вызов. Перенаберет, если захочет.

Еще каких-то полчаса, и я дома. Скидываю шлепки, чемо-

дан бросаю посреди коридора. После «того происшествия» я продала свой пентхаус в центре и купила квартиру попроще. Пусть она была мне и не нужна (последние два года я провела в Париже), как любой выросшей в интернате девочке, мне было важно знать, что где-то у меня имеется свой угол. И вот теперь я здесь. Надо бы как-то обжиться, что ли? Веду пальцами по покрытому пылью столу.

В животе урчит. Иду сварить себе кофе. Марата нет, и больше никому позаботиться о моем завтраке. Кошусь на часы. Наверняка он уже проснулся... И?

Зерна смалываются с диким шумом, телефон снова оживает. Владимир перезвонил ровно через час. Очень в его духе. Набираю в легкие побольше воздуха, напоминая себе, что у меня от него есть иммунитет. И пусть он достался мне слишком дорогой ценой, прямо сейчас у него нет на меня никаких рычагов давления.

– Да.

– Привет, Афин. Это я.

– Доброе утро. Я узнала.

Врать, что мне удалось вытравить из памяти его голос – смысла нет. Он вбит в меня, как чернила в кожу.

– Как дела?

Не твоего ума дело.

– Неплохо.

– Хм... А что ты скажешь по поводу моего вчерашнего предложения?

Это так в его духе – интересоваться моим мнением, выкрутив руки. У меня гребаное дежавю.

– Мы могли бы его обсудить.

– Сегодня в шесть я свободен.

– Сегодня у меня не получится. Мы ведь это обсуждали.

Как насчет завтра?

На самом деле нет у меня никаких дел. По-хорошему, я вообще должна быть в лагере. Но последнее дело сейчас – идти у Владимира на поводу. Пусть не думает, что мы можем вернуться к старому.

– Хорошо, – соглашается он, проглатывая совсем другие слова, которые, кому как не мне это знать, наверняка у него на языке вертятся. – В Гвидоне...

– Я бы предпочла встречу в конференцзале в формате «я, ты и тот, кто может мне гарантировать соблюдение наших договоренностей».

– А я тебе, значит не гарант?

Ч-черт! Я не хотела его злить. Совсем. Но как-то вот получилось.

– Извини. Но в этом проекте... В обоих проектах, – подчеркиваю. – Ты выступаешь в качестве не самого крупного инвестора. Я же хочу получить гарантии по сделке от того, кто в реале финалит решение. Насколько я знаю, это господин Панаев.

– Вот именно! – рявкает, все-таки не сдержавшись, и я дергаюсь. – Мне его как на завтра организовывать прика-

жешь?! Он крутой бизнесмен, а не мальчик, которым можно вертеть.

– А как вы планируете закрыть наш вопрос без него? Нет – так нет, Владимир Анатольевич. Не я же вам это все предложила.

– Какой я тебе, мать его, Анатольевич?! Ну, какого хрена, Афин?

Закрываю глаза. Прислушиваюсь к себе. Нет... Не действует. Ничего и нигде не отзывается. Если только горечи взвесь в пустом с утра желудке. Зажимаю двумя пальцами нос. Есть одна причина, по которой я сейчас с ним общаюсь. Коваленко обещал оставить лагерь в покое, если я помогу с открытием люксовых магазинов в новом торговый центре, куда он тоже вложил. Бренды не спешат заходить на незнакомую территорию. И тут я, конечно, неоценимый человек, да... Это и есть моя специализация.

– Мы либо остаемся в рамках делового разговора, либо...

– Я же миллиард раз извинился! Я ж из шкуры лезу, а...

– Либо я кладу трубку. Лагерь мы, дай бог, и так отстоим, да и с Шанелем, глядишь, вам тоже кто-нибудь да поможет.

Похрен. Он уже в тихой ярости. Хуже не будет. Лучше подумать о том, как максимально себя обезопасить. Опять нанять охрану? Да ну. Просто проследить, чтобы в конференцзале с нами было как можно больше народу. Удивительное дело, но вспышки неконтролируемой ярости на людях Коваленко обычно минуют. То ли контроль у него при сви-

детелях повышается, то ли хрен его знает. Последняя мысль меня страшно злит.

– Моя секретарша перезвонит, если Панаев найдет время на встречу.

– Это будет идеально.

– Заметь, я все делаю для тебя, Афина.

Ага. Делает. Сначала вкладывается в проект по уничтожению важного для меня места, потом все на ходу меняет и преподносит мне же это своей милостью и подарком. Такие вот дешевые приемы. Или дорогие. Тут как посмотреть.

– Это взаимовыгодная сделка, – напоминаю для порядка.

– С возрастом ты становишься невыносимой.

– Не сомневаюсь, что из меня двадцатилетней веревки вить было намного проще, – цинично замечаю я, хотя внутри все кипит. От боли, которую переборола, от злости, от непощения. Это все Марат. Это он завел мое сердце заново. А оно ожило со всеми похороненными вместе с ним чувствами. И болит, болит...

– Хочешь, я разведусь?

Отключаюсь. И громко-громко смеюсь. Разведется он. Как же. Нет, Володя, видно, совсем уж невысокого обо мне мнения, если верит, будто я на это куплюсь, после... «того происшествия». И ведь не утомится. Два года прошло, а он... Ну, не дурак? Или тут включается пресловутое «что имеем – не храним, а потерявши – плачем»? Так поздно. Поздно плакать. Мы все потеряли... Я.

Касаюсь живота, чего себе давно не позволяла делать. Веду пальцами выше, к груди. Больно... Снова больно. Хорошо это? Плохо ли? Чувствовать...

Делаю еще кофе. Иду к гардеробу. Он у меня богатый, ведь мода – часть моей жизни. Не знаю, найдет ли Марат Арзасович время, чтобы встретиться с простой смертной вроде меня, но если это случится, себя нужно подать лучшим образом. Никаких откровенных или прозрачных вещей, ничего короткого, драного и чересчур экстравагантного. Никакого оверсайза. Сдержанная женственность. Шик. Стил... Белая в мелкий цветочек юбка – отличный выбор. Пиджак в жару – компромисс, на который я готова пойти, учитывая, что везде в помещениях работают кондиционеры. Модно повязанный на голове платок – отличный аксессуар, который продемонстрирует мое уважение к культуре моего потенциального партнера. Ну, и золото. Чем массивнее кольца, тем лучше, потому что золото – символ успешности, подтверждение того, что со мной можно вести дела. Да, пожалуй, так... Я готова. Откладываю выбранные вещи. Теперь осталось дожидаться подтверждения встречи со стороны Панаева.

Глава 7

Марат

– Извини. Я отвлёкся. Что ты говоришь? – притормаживаю у обочины. Сзади прижимается еще одна тачка. Как я и думал – моя охрана.

– Говорю, что я нашел выход на человека, который может помочь завершить переговоры с брендами, с которыми ты уже... сколько, кстати? Лет пять бодаешься? Да еще привлечь парочку новых. Она в наших краях – редкий гость. Решать нужно быстро.

– Нет. Я про другое. – Тру слезящиеся глаза. – Что там про лагерь в Беляево?

– У этой девочки есть небольшое условие. Лагерь должен быть сохранен. Уж не знаю, как она про него узнала, говорят, случился какой-то кипиш в модных кругах, но вот такое у нее появилось условие. Сам знаешь, они на западе все немного повернутые на социальной повестке.

– Какой смысл менять проект? – бычусь, на самом деле не в силах поверить, что все так удачно складывается. Я-то думал, мне Коваленко придется убеждать немного ужаться в Беляево, а он мне это сам предлагает!

– Слушай, ты ж видел план. Там, дай бог, двадцать домишек, основной корпус и столовка. Территория не такая большая. Сильно что-то менять не придется, ужиматься тоже. То есть негативные последствия для нас минимальны, зато посмотри, сколько плюсов. Магазины в твоём ТЦ, в Беляево – лояльность администрации. Им для отчета доброе дело, а нам, сам понимаешь, престиж.

– Хм...

– Конечно, это не телефонный разговор, но тебя ж, Марат, не поймать. С тех пор как отец передал дела, работы-то у тебя поприбавилось, правда? – смеется.

– Что есть, то есть. А по поводу этой твоей специализации... Прежде чем что-то обещать, давай я с ней для начала поговорю. Надо убедиться, что в этих брэндах в курсе, кто с нами ведет переговоры от их имени.

– Обижаешь. Что, я тебе кого попало буду советовать?

– Ну что ты? – сглаживаю. – Просто за это время, кажется, я там уже говорил со всеми.

– Ну, тут девочка – верняк.

В голосе Коваленко сквозят странные горделивые нотки. Будто он к успеху этой «девочки» имеет отношение. Только его любовниц мне и не хватало для полного счастья. Возмнивших себя великими воротилами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.